

Белугина Злата

Свет в конце тоннеля

роман

Белугина Злата

Свет в конце тоннеля

«Автор»

2026

Злата Б.

Свет в конце тоннеля / Б. Злата — «Автор», 2026

Есть раны, которые не заживают, а подобно шрамам напоминают о себе. Она убежала от своего прошлого, построила новую жизнь в шумном городе. Но прошлое догнало её ударом по самому дорогому. Теперь ей предстоит вернуться туда, где всё началось. Пройти по следам боли, встретиться лицом к лицу с призраками прошлого. С ней — только верная подруга и книга, где каждая страница становится шагом к спасению. Это не история о побеге. Это история о возвращении. Чтобы выиграть войну за будущее, ей придётся принять бой с тем, от чего когда-то сбежала. «Свет в конце тоннеля» — роман о силе, которую находят на самом дне. И о мужестве зажечь свет в самых тёмных уголках памяти.

© Злата Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Дорога в прошлое	5
Глава 2 Утро	6
Глава 3 Ярость	7
Глава 4 Диалог	12
Глава 5 Вторая мама	16
Глава 6 Нож в спину	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Белугина Злата

Свет в конце тоннеля

Глава 1 Дорога в прошлое

Мимо тянулись маленькие незаметные домики, залитые закатным солнцем. Она ехала, прислонившись к окну. Пейзаж за ним был размытым пятном — куда живее были мысли в ее голове, они не давали сосредоточиться ни на чём внешнем.

Сосновый бор сменился огромными многолетними дубами и березами. Закатное солнце переливалось теплым оранжевым светом, деревья мелькали в окне, окруженные золотым блеском. Тонкие березки, освещенные закатным солнцем, мелькали желтыми вспышками. Женя сидела у окна, прижавшись виском к холодному стеклу, и думала о том, что восемь лет — это слишком много и слишком мало одновременно.

—

Волнуешься? — спросила Жанна.

Женя не ответила. Она смотрела на свои руки, сжимающие золотой медальон на шее. Его подарок...

—

Я не знаю, зачем еду, — сказала она наконец. — Там никого не осталось. Бабушка умерла восемь лет назад. Мать и Света ушли тринадцать лет назад.

—

Ты едешь попрощаться.

Женя промолчала. Она ехала не попрощаться. Она ехала понять, почему мать выбрала не ее.

Поезд все продолжал свой неспешный ход, теплое закатное солнце сменилось холодной луной. На небе появились яркие звезды, в купе немного похолодало.

—

Наверное, пора на боковую, что думаешь, Жанн?

Брюнетка неохотно посмотрела в окно и, немного сощурившись, словно задумавшись о чем-то, неспешно согласилась:

—

Да, ты как всегда права, Жень

Женя лишь легко улыбнулась уголками губ и закрыла глаза.

Поезд нес ее в темноту.

Глава 2 Утро

В нос ударил смрадный запах алкоголя. Красное месиво вместо лица. Она снова была в том дне. В том утре. Запах блинов. Она открыла глаза.

Руки были маленькими. Тело — нелепым, чужим. Пижама, купленная на вырост, висела мешком. Она попыталась встать с кровати и, как в тот день, ударилась о край. Она вышла из спальни и пошла по знакомым комнатам, зашла на кухню, из глаз потекли слезы. Это была она. Мама. Рыжеволосая, с собранным пучком и уставшими, но добрыми глазами стояла, держа тарелку, полную блинов.

Мама улыбнулась устало.

—

Иди умойся. И разбуди Свету.

За окном собирался дождь.

Женя проснулась со слезами на глазах. Она посмотрела вниз и увидела, что Жанна ещё спала на койке. Она хотела ещё заснуть, ведь за окном мелькали звёзды и ярко светила луна, но не смогла.

Женя достала из сумки маленький ноутбук в кожаной обложке и открыла файл с названием «Жизнь продолжается». Теперь её взгляд был устремлён на книгу. Она нашла ее сразу, ту самую главу об этом ночном кошмаре. Женя растерянно посмотрела на название — «Ярость», более точно этот эпизод своей жизни она назвать не могла, — и, сглотнув ком, вставший в горле, начала читать.

Глава 3 Ярость

«Ярость»

Дверь со скрипом отворилась, и манящий аромат только испеченных блинов неторопливо пробрался в едва освещенную комнату.

Так редко появляющийся здесь, этот запах привел мое еще не пробудившееся сознание в настоящий восторг. Сначала мне причудилось, что окончательно сойдя с ума от непрекращающейся голодовки, я начала чувствовать запахи еды даже во сне, но приоткрыв глаза, поняла — аромат вполне реальный. Поверить в это было очень сложно, казалось, что сознание еще не пришло в себя, и строит сладкую сказку, историю, которая вероятно не сбудется. Действительно, ну какие блины могут быть в этом доме на завтрак? Когда мы вообще в последний раз ели что-то настолько вкусное? Я снова прикрыла глаза и напрягла свою фантазию настолько, насколько это было возможным, единственная всплывшая в голове еда — каша из дешевой, невкусной крупы, сваренная на обычной воде. Просто безвкусная клейкая масса, лишенная даже прелести сахара или соли. Но должно же быть что-то еще? Решив оставить эту бессмысленную затею, я вновь вдохнула приятный аромат. Не поверив на этот раз своему носу больше, чем сознанию, и в спешке натянув носки наизнанку, я спрыгнула с кровати, да как спрыгнула — запуталась в клочке одеяла, свисающего с края, и со всей силы ударилась мизинцем об этот же край — прекрасное начало утра. После жалкого заглушенного взывания от боли, больше похожего на скулеж щенка и смешного подпрыгивания у кровати, была предпринята попытка унять неприятные последствия удара. Когда палец перестал, буквально пылать от боли, я продолжила начатое. Я, стараясь не шуметь, прокралась на кухню, откуда исходил этот приятный, так редко появляющийся здесь, запах. В коридоре стояла крошечная тишина, нарушаемая лишь непонятной возней, доносившейся с кухни. На цыпочках дойдя до дверного проема, лишенного, как не странно, самой двери, я встала у него, аккуратно облокотившись телом о темную коричневую деревянную рамку, окантовывающую зияющую прямоугольную дыру. У плиты, что-то по привычке напевая и перемещая, стояла мама. Она перекладывала, готовые блины в тарелку, и, видимо собиралась поставить ее на маленький неприглядный деревянный столик, стоящий в центре этой такой же крошечной, как он, комнаты, но, увидев меня, остановилась, бросив удивленный взгляд.

— Ты чего это, в такую рань поднялась, случилось чего? — ее глаза вновь стали, по обыкновению, расслабленными, даже слегка уставшими. Она откинула голову набок, и посмотрела так, как умеют смотреть только мамы: заинтересованно, с небольшим укором и в то же время бесконечной добротой и лаской.

— Просто почуяла этот прекрасный аромат, и решила сразу проверить, не приснилось ли, у нас сегодня какой-то праздник? — я, переступила с ноги на ногу и, хитро прищурившись, улыбнулась, смотря прямо на тарелку с заветными блинами. — Да так, нашла небольшую записку твоего отца, и решила сходить в магазин, пока он где-то шатается — она произнесла это с грустью и некоторой долей иронии. Но мне было не до смеха, обычно нахождение его записок ничем хорошим не кончалось, но не голодать же целую неделю, в самом деле. Я медленно кивнула, дав понять, что услышала эту не очень то и приятную информацию, и направилась к тарелке, которую мама все еще держала в руках. Она улыбнулась, поставила тарелку на стол и, указав рукой в сторону ванны, кивнула, напоминая об утренних процедурах, предстоящих завтраку. А я, наигранно стукнув себя по лбу, улыбнулась в ответ, и направилась в ванну. Было обидно, что меня прогнали с кухни, тем более, когда мама приготовила, наверное, ну очень вкусные блины. Когда я уже стояла в дверном проеме, грустная и погруженная в свои мысли, она позвала меня и бросила что-то вроде: «Когда закончишь, разбуди, пожалуй-

ста, сестру». Я снова кивнула и уже не останавливаясь, направилась в ванну. Проходя мимо своей комнаты, обернулась к дверному проему: Света крепко спала в кровати, свернувшись калачиком, ее смешные бараньи кудряшки, по цвету постоянно напоминающие мне мандарин, хаотично распластались на кровати. «И снова одеяло на полу, маленькая неряха». Но радостное настроение было не долгим, обычно так всегда и происходило в этом доме. Сначала что-то прекрасное, заставляющее улыбаться и радоваться, а после сразу же светлые чувства сменялись тоской и грустью, будто в доме находилась машинка, высасывающая все прекрасное, и наполняющая тебя до краев неприятными и злыми чувствами. Я запомнила это правило дома, еще с детства, и сейчас снова чувствовала это ужасное ощущение. Зеркало в ванной, уже начало покрываться паром от горячей воды. Я выключила её и посмотрела в помутненное зеркало: лицо перекошилось в угрюмое выражение, с полуулыбкой, хоть как-то улучшающей положение. Больше находиться в ванной нельзя, и так потрачено слишком много времени, а ведь его катастрофически мало. Лишь только папа вернется домой, он устроит скандал с мамой из-за найденной заначки. Крики, удары, просьбы о помощи — все так до ужаса привычное для меня. Глупый алкоголик, он только и умеет прятать мамины деньги по разным углам, используя их для того, чтобы как следует напиться. И ему абсолютно все равно, что мы уже целую неделю не питались нормально. Меня каждый раз передергивало, когда он возвращался домой, я просто ненавидела его, и единственным моим желанием было, чтобы он поскорее умер и оставил нас в покое. Но он был на удивление живучим, несмотря на то количество алкоголя, которое он каждый день вливал в себя, чудеса, честно...

Наша комната осветилась приглушенными лучами солнца, едва выглядывающими из-за серых тучек, скопившихся на небе. Я подошла к кровати сестры и снова взглянула на нее: она лежала уже не калачиком, а доверившимся хозяину котом, открывшим свое мягкое маленькое пузико. Ее смешной немного скругленный животик, выпирал из-под задравшейся розовой майки, ручки были подняты вверх и сжимали края подушки, единственное, что осталось неизменным — одеяло, так безобразно распластавшееся на полу. Разбудить Свету оказалось не так то и сложно, мне показалось, что эта мелкая зараза лишь притворялась все это время спящей. Я только дотронулась до ее плеча, а она тут же открыла глаза, хитрый жук. Пока она пыталась своими маленькими неуклюжими ручками заправить кровать, я смотрела в окно: оказалось, все это время шел дождь, до этого он был небольшой и я, видимо, просто не обращала на него внимание. Сейчас же погода на улице бушевала: огромные темные тучи, полностью закрыли солнце, с неистовыми силами дул ветер, практически вырывая с корнями тоненькие деревья, которые, казалось, лишь чудом еще находились в земле. Вдруг в моей голове на секунду пронеслась мысль, которая привела меня в ужас: «Если отец все это время шатался со своими друзьями-алкоголиками на улице рядом с домом, то место, в которое он сейчас направляется?..» И лишь я, как какой-то супер детектив, подумала об этом, дверь входной ручки устрашающе закрипела. Я затаив дыхание, стала ждать, когда он, наконец, сможет в правильную сторону повернуть ручку и зайти: «Он сильно пьян? Он в хорошем настроении, или нет?» — эти вопросы крутились в голове. Но, кажется, пьян он был не так уж и сильно, всего минуты две открывал дверь, обычно, когда он напивался, дверь мог открывать минут десять. Я немного выглянула из дверного проема комнаты, а он, пошатываясь, ввалился в дом, и, судя по выражению лица, с которым он это сделал, ждать чего-то хорошего точно не стоило. Едва он «зашел», прекрасный аромат блинов, до сих пор витавший в воздухе, сменился до боли тошнотворной вонью алкоголя. Еще от входа от него несло этим ароматом.

Атмосфера сразу стала напряженная, а когда он, шатаясь, дошел до середины коридора, и стал, орать, как больной, стало понятно — лучше уже не будет. — Мария, где тебя носит, черт побери! — он смотрел сквозь стену, шатался и выглядел разъяренным. Он спотыкался на каждом шагу, но не прекращал своего дикого вопля, все, повторяя одну и ту же фразу. Как будто она заела в его опьяненных мозгах. Не знаю, что было в его голове, но когда он

подошел к маленькой тумбочке в коридоре, и со всей силы швырнул огромное зеркало, так неподходящее этой мизерной тумбочке, так, что оно вдребезги разлетелось в разные стороны, я поняла — настроен он был серьезно. Света стояла рядом со мной, и сильно сжимала своей ручкой мою штанину, она испуганно смотрела в сторону двери, дрожала, и казалось, вот-вот заплачет. Я с усилием подняла ее на руки, и понесла к шкафу. Сестра не сопротивлялась. Она сидела молча и неподвижно, будто взрослая, понимая — так будет лучше. Я аккуратно опустила ее на деревянное покрытие, села рядом и прикрыла дверь, так чтобы оставалась лишь маленькая щелка, позволявшая наблюдать за происходящим. В шкафу было душно, старые свитера и кофты, кучками лежали здесь, беспощадно съедая и так мизерное пространство. Воздуха не доставало, маленькая щелка практически не решала эту проблему. Я смотрела в сторону двери и, затаив дыхание, слушала. Слушала его шаги, крики, звуки разрушений, гадая, что же будет в следующую секунду. Предчувствие меня мучило ну уж очень нехорошее, еще с того момента, как я наблюдала за негодованием погоды за окном, и думала о жизни, смотря в запотевшее зеркало. По звукам он был рядом с ванной, даже не рядом, в ней, круша все, к чему прикасался. Я очень сильно боялась за Свету, но еще сильнее я боялась за маму — успела ли она спрятаться, или так и осталась на кухне, с тарелкой этих несчастных блинов? Но, судя по продолжению его неистовых воплей, полных ярости и отчаяния, мама все же успела спрятаться. И будто поняв, что ее он уже так просто не найдет он решил приняться за нас.

— Светик, Женя, где же вы, глупышки, что же вы прячетесь и не выходите встречать, папа пришел — он прокричал это слишком фальшиво. Но эта напускная любовь и «искренность» была недолгой, не услышав ответа, не увидев никакой реакции, он мгновенно изменился, как же ожидаемо. Со стороны кухни послышался грохот — видимо тарелки. Я тут же представила, как блины, над которыми так старалась, напевая, мама, безжалостно оказались на полу, как с них стекало масло, как оно медленно стекало на пол. А после послышались и его гневные крики, направленные уже в нашу сторону.

— Света, Женя, где же вы прячетесь маленькие твари, только найду и вам конец — его голос прозвучал еще страшнее, чем когда он, тем неистовым криком звал маму. Ну где же твоя любовь, папочка? Быстро же спала маска. В горле встал комок, хотелось закричать, хотелось сказать ему какой же он нехороший человек, но я не могла. Не потому что трусила, нет, потому что рядом была Света, а я как, никак за нее ответственность все еще несу. После его обращения вновь последовали звуки бьющихся тарелок, видимо он решил разбить всю посуду, что была в доме, как же это в его духе. Я была больше, чем уверена, что сейчас соседи находятся дома, и слышат весь этот ужас. Они всегда находятся дома в такие моменты, но никогда ничего не предпринимают, им, что совсем плевать на то, что он так ужасно относится к нам? И я тут же мгновенно поправила свои, вылезшие вскользь рассуждения — относится к маме.

Несмотря на весь гнев, исходящий из него в таком состоянии, на нас он руку никогда не поднимал. Не знаю, с чем это было связано, но очень часто мне хотелось, чтобы вместо мамы он что есть мочи избил меня, чтобы бил только меня и не трогал ее. Чтобы я не видела ее испуганное и жалкое лицо, слезы, которые она всегда скрывала от него. Чтобы не слышала больше ее крики, и мольбы о прощении. Но судьба видимо всегда беспощадно распоряжалась иначе. Он вышел из кухни, что я поняла по ужасному грохоту, похоже, стульев, и направился в сторону нашей комнаты. И тут от этого осознания мне вдруг стало очень страшно: сердце бешено заколотилось внутри, будто хотело выскочить наружу, в глазах немного потемнело, а тело задрожало, словно по нему забегала куча маленьких бешеных жуков. Какое же мерзкое ощущение. Но еще страшнее мне стало, когда он, шатаясь, все же доковылял до нашей комнаты. Выходить, или хотя бы подавать признаки того, что мы здесь, сейчас точно нельзя — отец в полном неадеквате, и на что он способен в таком состоянии одному богу известно. Я с ощущением животного, нечеловеческого страха смотрела на него через щелку, как же омерзительен он был: неживой взгляд в пустоту, мерзкая нечеловеческая улыбка, опухшее красное

лицо и ужасный смрадный запах алкоголя, который перебил уже все нормальные ароматы в этом доме. Но сделать то, что он собирался, ему не дала мама, как какой-то герой из сказок, появившийся из неоткуда за его спиной.

— Не смей трогать детей, я не прошу тебе этого, гребенная мразь! — как же она прокричала это, наверное, даже страшнее, чем все это время неистово и бестолково орал отец. Сначала пошатываясь, он стоял, не понимая, откуда исходит звук. Но состояние это было недолгим, он резко развернулся, лишь чудом не упав, и начал свое «правосудие».

— Где тебя носило, дрянь? — послышался глухой шлепок. Он снова ударил ее по щеке. Она пошатнулась, но осталась стоять. Смотрела на него гордо и упрямо, как всегда, она никогда не отворачивала от него головы, не опускала глаз, смотрела прямо в его уродливое, искривленное гневом лицо.

— Что ты устроил здесь, старый дурак? — она итак надорванным голосом, со всей силой прокричала это. Ее крик звучал устрашающе и больно, он пронимал до глубины души, оставляя на теле мурашки, но видимо не на его теле, он снова замахнулся, чтобы ударить, но не успел. Звонкая горячая пощечина заслуженно была отправлена в его сторону. Он пошатнулся, закричал, как резанный в бреду больного сознания. Крик был неразборчивым, оглушительно громким, единственная понятная фраза звучала как: «Гребанные твари, я вас всех просто поубиваю», а потом снова шел бред умалишенного человека, сбежавшего из психушки с серьезным диагнозом.

— Старый маразматик, что ты себе позволяешь?! — ее крик стал значительно громче, казалось, если она прокричит еще хоть что-то, голос вместе с силами положенными на этот звук сразу же покинут ее. Но, несмотря на все сопротивление, с маминой стороны отец даже не задумывался об окончании концерта. И если бы не произошедшее дальше, все в тот день могло бы сложиться совершенно по-другому. Придя в себя после унижительного удара, он развернулся и со всей своей богатырской силой впечатал маму в стенку этой несчастной комнаты. Она издала жалостный вздох, а после безжизненно распласталась на полу. Из моей груди вырвался истошный крик. Сжавшаяся в маленький комоч Света, все это время ужасно трясущаяся, жалобно заплакала. Она не поднимала лица, от поджатых коленок, тряслась, и всхлипывала. Я, отвлеклась на ее плач, а, обернувшись обратно к щелке, не увидела отца. Меня накрыла паника, сердце учащенно забилося, я внимательно осматривала несчастный клочок, что был в нашем распоряжении, двигать дверь было категорически нельзя, мы итак себя выдали. Оставалось лишь надеяться, что отец из-за своего пьяного бреда просто не сможет добраться до шкафа, обессилив, упадет где-нибудь в уголочке и заснет.

Вдруг дверь резко распахнулась, и я увидела его лицо, оно было прямо перед моими глазами, искаженное и опухшее, оно лишь издалека напоминало человеческий лик, я закричала, и моментально вжалась назад в стенку. Идти было некуда — мы были в ловушке. А он, победно улыбался кривой нечеловеческой улыбкой, шурил глаза и рассматривал нас, как интересные побрякушки в игрушечной лавке. Сначала он смотрел на меня, а после бросил взгляд на плачущую Свету. Внутри все скрутилось. Он потянулся к сестре. Я рванулась, закрыла ее собой, придавив к стене так сильно, что Света вскрикнула от боли и неожиданности, на секунду прервав свои рыдания. Я яростно взглянула отцу в лицо. Он с силой впился в мою руку и, буквально, вышвырнул из шкафа, как какую-то жалкую мошку, едва он снова потянулся к Свете, я снова закрыла ее собой, на этот раз, впившись, что есть мочи, в деревянные дверцы шкафа. Отец негодовал, он был в полном бешенстве.

— Маленькая дрянь, что ты себе позволяешь! — ухватившись за мои руки, он стал тянуть их на себя, буквально, выкручивая. Но я не собиралась так просто сдаваться. Пальцы скользили по деревянному покрытию, от трения и моего усиленного сжимания они ужасно болели и были огненно-красными.

— Отец, не трогай Свету, бей меня, но не смей трогать ее! Он разъяренно смотрел на меня и кричал, снова что-то невнятное, но не перестающее от того быть менее пугающим. Смradный запах, отравивший всю квартиру, вылетал из его рта и останавливался у моего носа. Я хотела перестать дышать и видеть, чувствовать боль и слышать. Пусть он хоть руки мне вырвет, Свету я в обиду не дам!

— Я же от тебя сейчас мокрого места не оставлю, дрянная девчонка, уйди! — его лицо превратилось в разъяренное красное месиво, на котором уж не различалось ничего: нос, глаза, рот — все превратилось в единое непонятное выражение. Света, все еще свернутая в трясущийся комок, заплакала за моей спиной еще громче и испуганнее, ее голос дрожал, так же как и все тело. Видимо это окончательно вывело отца из себя. Я стояла, дрожа, как осиновый лист. Не двигалась.

Он смотрел на меня. Не двигался. Его рука с бешеной силой взметнулась над моим лицом. И вдруг — оглушающий удар. Это была она: бледная, словно призрак, с красной, слегка опухшей щекой, кровью, застывшей на лбу и с яростным, бешеным, готовым, если нужно просто разорвать на части, выражением лица. Отец успел лишь глухо выдохнуть, перед тем как прозрачные осколки впились в его голову, мгновенно окрасившись в мерзкий алый цвет.

Когда она успела взять вазу? Его глаза дернулись, и поднялись вверх, на лице застыло то страшное гневное выражение, с которым он творил свой суд. Он, корчась, шатнулся и со всей высоты своего роста упал на пол, прямо на затылок, еще сильнее впив в себя осколки.

— Жень, быстро хватай Свету и за мной, пока он не пришел в себя. Мама повернулась спиной и направилась в коридор, быстрыми неразмеренными шагами, я с усилием подняла сестру, уместила ее на своих плечах со словами: «Теперь все будет хорошо, Светик, все точно будет хорошо», и побежала за мамой. Я больше не хотела оставлять ее. Перед выходом она наклонилась к той маленькой тумбочке, с которой так беспощадно было скинуто зеркало, достала белый конверт, который навсегда отпечатался в моей памяти, и быстрым шагом направилась на улицу. К моему удивлению дождя уже не было, практически ни одного следа от него не осталось, единственное, что напоминало о недавнем бушевании стихии — не просохшие лужи, размывающие землю лужаек, и превращающие ее в грязную болотную кашу. Мама шла быстрым шагом, и мне было сложно ее догнать.

Она шла, молча, вид у нее был изнеможенный и слегка растерянный, будто внутри нее шла борьба: идти к месту назначения, или развернуться и пойти обратно в объятия тирана с извинениями. Но к нашему счастью борьба вроде окончилась первым вариантом. Я решила не тревожить ее, и оставить наедине с мыслями, все-таки сегодня похоже и ее терпению пришел конец. Она терпела очень долго, терпела побои, оскорбления, ссоры, ругань — терпела все, от чего любой бы уже убежал куда подальше. Но у нее видимо были свои причины оставаться, мы никогда не разговаривали на эту тему. Она не заводила разговор первой, а я не спрашивала. Где-то в глубине души, я думала, что она терпит все это, только из-за надежды, живущей внутри. Этот маленький огонек горел, и грел ее сердце, давая ложные иллюзии на возвращение былого. Но как раньше уже никогда не будет, папа другой, и прежним он больше не станет, слишком многое произошло, и поздно уже пытаться что-то изменить. Я шла и думала об этом, о надежде, о том, чтобы я делала, если бы оказалась когда-нибудь на месте мамы. Ведь она полюбила не алкоголика и тирана, просто так сложились карты, она не смогла ему вовремя помочь, а он не смог вовремя остановиться, но разве из-за этого должны страдать Света, я? Вопрос так и остался открытым, ибо из-за своих рассуждений, я снова не заметила, как мимолетно пролетело время. Мы уже дошли.

Глава 4 Диалог

Когда Женя дочитала главу за окном светило мягкое и теплое рассветное солнце, а мимо проносились уже знакомые леса. Поезд медленно приближался к ее родному краю, и она чувствовала это, хоть и не была дома около восьми лет. Дом? Могла ли она назвать это место так. Она не знала. Все детство пока ее отец выпивал и измывался над матерью, она мечтала поскорее покинуть это место, желательно вместе со Светой и мамой, но жизнь повернулась иначе. Именно ради собственной книги, она решила покинуть постоянно шумящую и бегущую вперед Москву и вернуться в родные места в Тульской области, тихой, спокойной и медленно плывущей по течению жизни. Женя закрыла ноутбук и убрала его обратно в сумку, она решила пройтись и проветриться. Она осторожно спустилась с верхней койки, постаравшись не задеть спящую Жанну, и неспешно отправилась в сторону туалета, Женя решила, что после такой беспокойной ночи просто необходимо умыться холодной водой, чтобы окончательно проснуться. Она посмотрела в зеркало на свои же уставшие не выспавшиеся зеленые глаза с синяками под ними и грустно улыбнулась, рыжие волосы волнами спадали на ее плечи. Женя смотрела на себя в зеркало и разные мысли тяготили ее голову, она не понимала почему ей впервые за столь долгое время приснился тот кошмар, словно это был какой-то знак. Когда Женя вернулась в купе Жанна уже проснулась. Женя считала Жанну членом своей семьи, настолько близки они были. Жанна всегда была рядом и в радости и в печали, она умела как никто другой поддержать и найти нужные слова в необходимую минуту, за это Женя и ценила подругу, Они познакомились в университете и сначала даже не общались — были слишком разные — но сильно сблизились по воле случая. Как они сблизились, целая история. После школы Женя была довольно замкнутой в себе девушкой, ей было сложно завести друзей в университете и часто она просто сидела в одиночестве, Жанна же была старостой, инициативной, умеющей хорошо ладить с коллективом, она всегда была окружена компанией людей, но чувствовала в этой компании пустоту. Девушки были слишком разными — одна, словно потухший огонек, замкнутый в себе и верящий в чудо, другая подобно яркому пламени, горящему и освещающему путь другим людям. В университете Женя училась на психолога, всегда посещала пары, училась на отлично и была эталоном собранности. Жанна была старостой, несла ответственность за каждого в своей группе, всегда была в центре событий и отдавала людям всю себя, но часто чувствовала, что это горение впустую. И вот однажды Женя не пришла на пары. Впервые за два курса обучения. Жанна сразу почувствовала — что-то не так. Что-то серьезное. Она решила навестить Женю, хоть они и не общались, тогда она почему-то почувствовала, что так должно быть. В тот день она впервые увидела Женю такой: с потухшими, опухшими от слез глазами, в грязной, неубранной квартире. Она впервые увидела не идеальную студентку, а сломленного человека. Жанна без слов, почти без спроса вошла. Она не задавала вопросов. Просто начала убираться. Собрала разбросанные вещи, помыла посуду, распахнула окно, впуская в затхлую атмосферу горечи глоток свежего воздуха. И только когда вокруг воцарился порядок она подошла к Жене и просто крепко ее обняла. И тут Женя сломалась. Она просто тихо, почти безмолвно заплакала на плече у Жанны, ее слезы градом стекали на кофту Жанны, но той было все равно, сейчас она как никогда чувствовала, что нужна этой рыжеволосой девушке. В этот момент она сильнее, чем когда либо, чувствовала — ее пламя наконец-то греет не воздух. Потом они пили чай. Молча. И тогда Женя заговорила. Тихо, сбивчиво, продираясь сквозь боль, она впервые в жизни рассказала кому-то все. Об отце. О матери. О страхе и одиночестве.

Выслушав, Жанна посмотрела на нее не с жалостью, а с огненной решимостью.

—

Ты не должна забывать свою жизнь и теряться в боли, — сказала она твердо.

—
Это нужно записать. Ты должна написать об этом книгу.

Так они сблизились. В тот переломный для Жени момент, Жанна стала для нее настоящим островком спасения, ее горячее полыхающее пламя осветило и Женин путь.

Жанна смотрела на Женю недоуменным взглядом.

—
Когда ты успела проснуться? Я хотела пожелать тебе доброго утра, подняла глаза наверх и увидела пустую койку... Сколько ты вообще сегодня спала?

Женя неискренно улыбнулась и села рядом с Жанной.

—
Сказать тебе честно?

Брюнетка недоверчиво посмотрела на Женю, она сразу увидела фальшь в её улыбке.

—
Конечно, честно. По-другому и быть не может.

—
Я практически вообще сегодня не спала.

—
Вообще?! — Жанна выпучила глаза и пристальнее всмотрелась в лицо подруги. — Тогда понятно, откуда у тебя такие синячищи под глазами.

Она задорно рассмеялась, пытаясь разрядить обстановку, но тут же сменила тон на мягкий и участливый.

—
Тебе опять что-то снилось? Ведь так?

От этого вопроса Женя слегка поежилась. Она не хотела нагружать подругу с утра дурными разговорами, но знала: раз Жанна спросила, то не отстанет, пока не получит ответ. Поэтому Женя решила не юлить и ответить прямо.

—
Мне снился день, когда я потеряла отца.

—
Неужели?.. — не спросила, а просто выдохнула Жанна, и её взгляд наполнился бездонной тревогой. Она обеспокоенно посмотрела на подругу. Жанна не стала больше ничего говорить, не стала спрашивать. Просто взяла Женю за руку, крепко, переплетя их пальцы. И замолчала. Женя тоже замолчала.

Они сидели несколько минут в полной тишине, пока за окном мелькали поля и леса. В этом молчании не было неловкости; оно было целебным, как мазь на старой ране. Не нужно было слов — Жанна своим теплом и молчанием говорила яснее любого красноречия: «Я здесь. Я с тобой. Ты не одна». И только когда поезд дернулся, входя в поворот, Жанна плавно разжала пальцы.

—
Что же ты делала вместо сна? — Она резко нарушила молчание этим вопросом, но в её голосе не было ничего, кроме участия.

И Женя не почувствовала дискомфорта. Напротив, она была готова к этому разговору, будто ждала его.

—
Перечитывала главу. «Ярость».

Жанна сглотнула ком в горле. А затем мягко, почти по-матерински спросила.

—
Зачем? Почему ты снова ранишь себя после того кошмара, что испытала ночью, а я уверена, что это был кошмар?

—
Я не знаю.

Глаза Жени потускнели, и она на несколько мгновений отвела взгляд от Жанны в сторону окна. На улице посерело, надвигались тучи. Собирался дождь. Словно погода чувствовала настроение Жени, так ей показалось в то мгновение, а потом она снова взглянула на Жанну.

—
Я не хочу забывать это... Иногда мне начинает казаться, что мой отец был не таким монстром, но затем я перечитываю главу и снова всё вспоминаю. Я вспоминаю всё, понимаешь, Жанн?

Подруга с тёплым участием кивнула и просто сказала.

—
Знаешь, ты молодец, Жень. Ты пережила всё это и нашла спасение в написании книги. Помни, книга — это способ не забыть всё, а залечить свои незажившие раны. Ты же не просто перечитываешь. Ты превращаешь боль в свою силу.

Жанна обняла её за плечи.

—
Спасибо, — прошептала Женья. — Что напоминаешь мне, кто я сейчас, а не кем я была тогда.

—
Всегда, — так же тихо ответила Жанна. — Я всегда буду здесь, чтобы напомнить. Она решила немного разрядить обстановку и сменить тему.

—
Куда мы направимся в первую очередь, когда приедем?

—
Сначала в бабушкин дом, мы так давно там не были... Мне кажется, сначала там нужно будет навести генеральную уборку.

Она улыбнулась, но теперь уже искренне, по-настоящему.

—
Я тоже так подумала. Там же мы и сможем остановиться, ключи от её дома всё ещё у тебя?

—
Конечно.

Женья снова потускнела, и именно в этот момент по окну забарабанили крупные капли дождя. Поезд подъезжал к конечной остановке. Женья и Жанна стали потихоньку собирать вещи, продолжая беседу. Дошло до обсуждения их дружбы.

—
Ты помнишь, как мы вообще подружились? — спросила Женья.

—
Да, такое никогда не забывается. Тогда я впервые увидела примерную студентку и отличницу полностью разбитой и сломленной. Я помню, как буквально ворвалась в твою квартиру без приглашения. В тот день ты потеряла бабушку, да?

Женья снова погрузилась.

—
Да. Мне позвонили из больницы и сказали, что она умерла. А я даже не подозревала, что она там лежит... Хотела навестить на неделе, привезти ей её любимых орехов в шоколаде... Я ведь ей звонила тогда, она ни словом не обмолвилась, что ей плохо.

—
И снова мы о грустном, даже дождь за окном пошёл. Прямо как будто Тула нас встречает.

—
И не говори.

И они весело рассмеялись, впервые за всё время этого продолжительного и трудного разговора.

Поезд остановился на конечной остановке. Они взяли сумки и направились в своё путешествие по страницам жизни...

Глава 5 Вторая мама

Знакомый запах сырого дерева ударил в ноздри. Крохотный домик, затерянный в глубине запущенного огорода. Они прибыли. Женя замерла на пороге, жадно вдыхая воздух, состоящий из памяти. Она пристально вглядывалась по сторонам, пытаясь совладать с нахлынувшим водоворотом чувств. В этот момент Жанна подошла не слышно и, едва коснувшись, обняла ее за плечи. Ее молчаливый жест был красноречивее любых слов: “Я здесь. Ты не одна”. И Женя с облегчением поняла: да, с подругой возвращаться в прошлое совсем не страшно. Она достала из сумки маленький, покрытый легкой пылью ключ и вставила его в замочную скважину. Дверь со скрипом, будто нехотя, отворилась. Пропыленная терраса, вторая дверь... Тот же ключ, тот же скрип.

Запах сырого дерева внутри смешался с запахом затхлости и пыли. Дом пустовал около восьми лет, и время здесь, казалось, застыло толстым слоем на полу и мебели. Они включили свет — и чуть не задохнулись. Женя, скинув обувь, прошлепала босиком в гостиную и настежь распахнула окна. Ворвавшийся ветерок, пахнувший остывающей после дождя землей, тут же вступил в схватку с затхлым воздухом, наполняя дом свежестью и жизнью.

—
Ну что, а теперь за уборку? — Жанна задорно улыбнулась, с энергией закатывая рукава.

—
Ты как никогда права, моя верная спутница.

—
Ох, какая честь!

Они рассмеялись, и под этот смех началась генеральная уборка.

День пролетел в труде — пылесосить, мыть, вытирать, проветривать. К вечеру дом преобразился. Прохладный воздух наполнил чистые комнаты, а закатное небо, провожающее прошедший день, заглядывало в вымытые окна.

—
Знаешь, Жанн, — тихо начала Женя, — я так благодарна, что ты со мной. Одна я бы, наверное, не смогла даже переступить порог. Купила бы билет обратно в Москву и все.

—
Я всегда буду рядом в такие моменты, ты же знаешь.

—
Знаю. И за это я тебя ценю... Честно, в универе, до нашего знакомства, я тебе ужасно завидовала. Ты была как огонек — яркая, общительная, открытая, окруженная людьми. Я так хотела быть похожей на тебя.

—
А я... я видела тоску и одиночество в твоих глазах. Все время хотела заговорить, но что-то меня останавливало. Внутренний барьер. А эта толпа... — Жанна вздохнула. — В толпе я чувствовала себя одинокой как нигде больше.

—
Мне жаль, что ты не застала мою бабушку, — голос Жени дрогнул. — Она стала мне второй матерью, когда моя... сбежала в “лучший мир”, бросив меня.

—
Мне тоже жаль. Расскажи о ней? Мы всегда обходили эту тему стороной. Я боялась тебя ранить. Но сейчас мы в ее доме... Давай отдадим ей дань памяти.

Она была... как ты. Луч света в темном царстве. Всегда улыбалась. Эти ее вечно смеющиеся глаза... — Женя замолчала, уносясь в прошлое. — Лишь однажды я слышала, как она плачет. В день, когда мой отец погиб.

И тут Женю будто осенило. Она порывисто вскочила и побежала к сумкам, торопливо отыскивая ноутбук.

—

Мне нужно срочно это записать! Я хочу написать главу о дне, когда умер отец. Поможешь мне, Жанн? — Она лукаво улыбнулась. — Ты будешь первым читателем.

Глава 6 Нож в спину

Женя открыла ноутбук, и её пальцы привычно замерли над клавишами. Она сделала глубокий вдох, словно перед тем как нырнуть в воду. Чтобы написать о том дне, ей нужно было снова стать той тринадцатилетней девочкой, сидящей на полу в бабушкином доме и сжимающей в руках белый конверт. Она закрыла глаза и погрузилась... А потом стала быстро печатать.

«Нож в спину»

Дом бабушки. И сама она, укутанная в какой-то темно-серый кардиган, на два размера больший, чем ее миниатюрное тельце. — Ну, что, пришли, родимые? — бабушка посмотрела своим обычным улыбающимся взглядом. Эти ее бездонные, всегда смеющиеся сощуренные глаза — достаточно лишь посмотреть на них, и все плохое настроение мигом улетучится. Ну как можно грустить, рядом с такой бабушкой?

Но к маме сегодня это видимо не относилось, она немного приобняла свою мать, и сразу же отстранилась, идя в дом. На непонимающий взгляд, брошенный бабушкой, мама просто махнула рукой. Я поздоровалась с ней, и, придерживая Свету, аккуратно зашла на террасу, предварительно согнувшись, чтобы та, не ударилась головой о деревянную навеску... Снова знакомый и любимый мной запах: запах мокрого дерева, свежего ветерка, запах бабушки, и сладостей, лежащих месяцами в одной и той же тарелочке, до состояния полного затвердевания и выветривания. Когда мы, наконец, зашли в дом, я сразу спустила Свету на пол, а она недолго думая, потопала прямиком к бабушке, начала ей что-то увлеченно рассказывать на своем языке, в котором вместо тридцати трех букв, наверное, было лишь букв десять.

И когда бабушка начала слушать что-то вроде: «Я писла и сказала съто мне ласно, и Зеня сятала», она сдалась, и хитрым бабушкинским методом завлекла внимание ребенка наивкуснейшей конфеткой, под наиинтереснейший мультик. А сама аккуратно ушла на кухню, прояснить все, что случилось у дочери. Я сидела в своей комнате и внимательно слушала все, что они говорили, любое слово — информация о том, что будет дальше. А ожидание того, что нас ожидает, вызывало во мне еще больший страх, чем вся сегодняшняя ситуация. И я, и мама, понимали — возвращаться нельзя, по крайней мере, с нами. И именно об этом мама разговаривала с бабушкой, их разговор был очень эмоциональный, я слышала, как больно было маме, слышала, что бабушке было еще больнее: ее голос дрожал, она все чаще говорила «Машка», а это значило, что она очень переживает. Я снова задумалась, как бы я себя чувствовала на ее месте, как бы чувствовала себя, если бы видела, что мой ребенок страдает, принимает неправильные решения, ошибается и делает себе своими ошибками лишь больнее, а я ничего не могу сделать, лишь дать совет, которого, скорее всего никто даже не послушает. Больно, очень больно. И снова, проведя за своими рассуждениями непонятный промежуток времени, я пропустила самое главное — что будет дальше?

—

Ну и дуреха ты у меня, Машка, страдальная моя

последнее, что я услышала из их разговора, а после лишь всхлипывания мамы, и утешения, что ласково приговаривала бабушка. А потом, теплый семейный ужин — блинчики, которые они приготовили вместе. Лучший ужин, в лучшем месте, как же давно я не была тут...

Темнота пробралась в нашу комнату, это было поздно ночью: лунный свет, тоненькими лучами едва пробирался сквозь оконную раму, освещая помещение. Сама ли судьба распорядилась, чтобы я в этот момент находилась в бодрствовании, или мое сознание истерзанное происходящим сегодня настолько, что предаться сну оно просто было не в силах — загадка.

—

Этого просто не может быть, они ошиблись адресом, это не наш дом, этого не может быть! — голос мамы едва доносился с кухни, но разобрать её слова было возможно. Она говорила

взволнованно, дрожащим голосом, повторяя одни и те же слова по нескольку раз, будто сама не верила произнесенному.

— Ты же не поедешь проверять это сейчас, на дворе ночь-полночь, дети спят, — голос бабушки был спокойным, ровным, она говорила тише, чем мама.

Их диалог был очень непонятным: они то еле шептали слова, проглатывая все окончания, то говорили обычным голосом, сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик. Они что-то горячо обсуждали, и казалось, вот-вот поссорятся из-за предмета диалога. Я услышала, как мама резко встала из-за стола — так, что его деревянные ножки беспощадно скрипнули по поверхности пола, — а после направилась в сторону террасы и двери на улицу.

— Одумайся, разве ты действительно хочешь увидеть это сейчас, Маша? — сейчас бабушка не смогла скрыть волнение: голос слегка дрожал, а слово «это» она сильно выделила интонацией.

Я не понимала, что происходит и о чём они говорят. Единственное, что я осознала по звуку застёгивающегося замка куртки и скрипу двери — мама действительно собиралась в нашу квартиру. Но зачем? Что она хотела там увидеть? Неужели передумала и выбрала второй вариант — возвращение к тирану-мучителю с повинной? Меня аж мысленно передёрнуло от этой мысли.

— Да, мама, хочу, и не просто хочу, я обязана. Это ошибка, я просто убежусь в том, что они ошиблись, и вернусь домой, а ты пока побудешь с детьми.

Дверь глухо хлопнула. Послышался тяжёлый бабушкин вздох, а после её шаги, направленные в сторону комнаты. Я быстро отвернулась лицом к стене и притворилась спящей. Она дошла до входа и остановилась — наверное, просто проверяла, спим ли мы. Снова тяжёлый вздох и медленно удаляющиеся на кухню шаги...

Звук кипящего чайника, перемешивания сахара в кружке, звук моющейся посуды, звуки шагов, вздохов, причитаний и бормотания — всё это перемешалось в моей голове. Я не понимала, сплю я или слышу это в реальности. Так за помутнённым состоянием между сном и реальностью, бесконечными причитаниями и хождениями бабушки по кухне от одного конца к другому прошло продолжительное количество времени. Я уже думала выдать себя, встать с кровати и сделать вид, что я только проснулась, как вдруг входная дверь отворилась. Я решила повременить со своим признанием, и хоть слушать вздохи бабушки было уже невозможно, я подумала ещё немного потерпеть и послушать, что же будет дальше.

По звукам, мама будто ввалилась в дом, шаги её были тяжёлыми. Она скинула с себя куртку и перестала двигаться вообще. Едва бабушка дошла до коридора, мама навзрыд заплакала. Она стала, всхлипывая и запинаясь, говорить что-то невнятное.

— Они... они... это не ложь... там в квартире... — отдышка прервала её рассказ.

Бабушка не перебивала, я вдруг представила, как она поглаживает маму по голове, обнимает и смотрит той прямо в глаза, внимательно слушая. И мне почему-то эта картинка настолько понравилась и настолько правдивой представилась, что я так и оставила её в голове. Лежала с закрытыми глазами, представляла действия мамы и бабушки и слушала происходящее. И мне настолько эта затея показалась забавной, так усердно я стала это всё представлять, будто это действительно перенеслось в реальность. Картинки стали такими правдоподобными, что я испугалась и открыла глаза.

— Он сгорел... заживо... всё... умер... нет больше, — и снова всхлипывания и вздохи.

Я упорно пыталась понять, о ком идёт речь и почему мама плачет, но проникательность, как назло, покинула меня. Оставалось или дальше лежать и выслушивать это, или наконец встать и спросить прямо. Но не успела я и слегка приподняться, как мама, будто прочитав мои мысли и наконец собравшись с силами, спокойно всё объяснила. Да настолько спокойно, что мне показалось, будто её подменили. Ещё недавно она навзрыд плакала и не могла связать и двух слов, а тут вдруг моментально пришла в себя.

— В доме случился пожар. Сгорело всё. Он не выжил, — её леденящее спокойствие, с которым она это произнесла, вселило в меня ужас. Но произошедшее дальше я запомнила на всю жизнь.

— Как не выжил? Что же теперь будет, Машка, как девчонкам-то сказать? — голос бабушки задрожал, и заплакала уже она. Тихо, жалко, без громких всхлипываний и завываний.

Я впервые слышала, как она плакала, впервые слышала, чтобы её голос дрожал настолько. Бабушка всегда была лучиком света, всегда, сколько себя помню. Этот её вечно смеющийся взгляд и улыбка, пробирающие до глубины души и заставляющие если не так улыбаться, то хотя бы снова чувствовать себя живым и радостным. Она улыбалась везде и всегда, даже когда всё было ужасно, даже когда было больно и страшно, она улыбалась всегда. И тут я вдруг услышала, как этот сильный, светлый человек, не скрывая эмоций за улыбкой и шутками, плачет. Это был удар, словно сердце изнутри что-то очень острое проткнуло насквозь, а дальше так же резко и неожиданно, как проткнуло, выскочило наружу, оставив лишь сквозную, кровотокающую дыру...

А потом я снова будто погрузилась в то состояние между сном и реальностью. Переживания и потрясения, испытанные сегодня, лишили меня последних остатков сил. Я вроде слышала приглушённые звуки, но не могла ничего разобрать. Я просто лежала, не двигаясь, с закрытыми глазами, слушая непонятный шум, не в силах поднять веки и наконец встать...

Но стоило мне открыть глаза, как я сразу почувствовала что-то неладное. Лучи оранжевого, тёплого, рассветного солнца едва пробирались через открытое старое окно, лишённое всяких занавесок. Слишком тихо было в доме, ни единого шума, ни Светиноного, ни бабушкиного, ни маминоного. Вообще никакого — идеальная тишина. Я с усилием привстала с кровати и пошла в сторону кухни, ощущение было, будто меня вчера чем-то тяжёлым со всей силы ударили сначала по голове, а после по рукам.

События произошедшего редкими вспышками всплывали в раскалывающейся голове и вновь вызвали чувство животного страха. На кухне стояло две кружки, одна видимо ещё со вчерашнего дня, тарелка, в которой были какие-то нарубленные овощи и крошки от хлеба. Я внимательно осмотрела кухню и, не заметив ничего интересного или подозрительного, сонно побрела в комнату бабушки, от которой потом собиралась зайти в зал. Зайдя в комнату, я с облегчением вздохнула — бабушка, тепло укутавшись в белый махровый плед, сладко спала на кровати. Я решила не будить её, она столько всего пережила вчера, сегодня ей точно надо отоспаться, и аккуратными шагами на цыпочках направилась в гостиную, посмотреть на маму и Свету. Но планам моим в тот день, видимо, не суждено было сбыться.

Едва я зашла в комнату, увидела аккуратно заправленную кровать. На ней этой ночью спали Света и мама, но их следов мною обнаружено не было. Почувствовав небольшой прилив волнения, я быстро вошла в комнату, уже забыв про тишину и аккуратность, и стала осматривать её: сначала кровать, потом кресло, маленький прикроватный столик — всё, что могло бы дать хоть какую-нибудь информацию. Когда я дошла до небольшого деревянного шкафчика с округлым зеркальцем, мой взгляд притянул к себе тот самый белый конверт, который мама вчера в спешке захватила из квартиры. Но меня заинтересовал не столько сам белый конверт, сколько аккуратно выведенная светло-синей ручкой надпись — «Жене». Я трясущимися руками схватила конверт. Нечаянно чуть не порвав бумагу от волнения, я наконец смогла распечатать его, достав аккуратно сложенный лист и старую семейную фотографию, где Света ещё не родилась, а папа ещё не был, словно по волшебству, превращён в тирана

Я остановила мимолётный взгляд на ней, какими же счастливыми мы здесь были. Мама, какой же красивой она была тогда! Широко распахнутые изумрудные глаза с длинными светлыми ресницами, сияющая улыбка, так и освещающая лицо, и прекрасные апельсиновые распущенные вьющиеся волосы. Они аккуратно свисали с плеч и очень напоминали Светины волоски. Мой взгляд сместился вправо, рядом со смеющейся мамой стоял молодой отец, так

непривычно влюблённым взглядом смотрящий на неё. Он тоже улыбался, широко, лучезарно, одной рукой держал её за талию, приобнимая, а другой теребил мои детские кудри. А рядом с этими счастливыми, молодыми и такими красивыми людьми стою я, с папиной огромной ладонью на макушке, хитрым лисьим взглядом и широченной улыбкой до ушей.

Как мимолётно и быстро закончилось всё это. С того дня на моей памяти не было больше ни одного, когда мама ходила бы с распущенными волосами и широко открытыми глазами. Её взгляд всегда уставший, веки сомкнуты, они образуют своеобразный мешочек под глазами, её брови опущены, а волосы собраны или в пучок, так смешно растрепывающийся к окончанию дня, или в тугую косу. И никаких исключений, лишь так, каждый день, несмотря на время года, праздники, настроение.

Я с грустью положила фотографию. Лицом вниз. Тревога нарастала, с ней нужно было что-то делать. И я развернула листок. Едва я развернула его, узнала старый добрый мамин почерк и те же чернила, которыми так аккуратно был подписан сам конверт. А написано было лишь это:

«Женя, моя маленькая девочка, в последние дни произошло слишком много всего, твой отец мёртв, наша квартира сгорела дотла, а я места себе не нахожу после осознания произошедшего. Я не могу больше здесь находиться, стены душат, они медленно убивают меня. Девочка моя, поверь, так будет лучше. Я не буду извиняться за содеянное, если когда-нибудь сможешь, ты сама простишь, я знаю. Света со мной, с ней всё будет хорошо, а тебе лучше остаться с бабушкой, я не хочу ломать ещё и твою жизнь, пожалуйста, живи дальше, живи так, будто ничего не было. Помни, жизнь продолжается.

С любовью,

Мама».

Всё письмо было написано беглым торопливым почерком, совсем не похожим на тот, которым был подписан сам конверт. Были видны отчётливые следы растёкшейся ручки и капель, которые обычно остаются на бумаге от слёз. Но сейчас мне было совсем не жалко маму, мне было жалко себя. Я злилась, хотела разорвать письмо вместе с конвертом и этой несчастной фотографией, но что-то внутри останавливало, говорило мне, что это последняя ниточка, последняя память, связанная с матерью и сестрой. Об отце в тот момент я даже не думала, я вычеркнула его из своей жизни ещё ночью, когда узнала, что моё заветное желание наконец сбылось — он умер, и это оказалось не тем освобождением, о котором я мечтала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.